

Севак Арамазд АРМЕН

Серия «Время читать!»

Роман «Армен» Севака Арамазда – это пронзительная история человеческой судьбы в современном мире и обществе, где самое трудное и самое опасное – быть человеком. Одновременно легенда и документ, притча и живое место событий, зеркальность естественного и сверхъестественного живут в этой книге, густой, как сказочный лес и раскаленный космос. Это космос Шекспира, Эдгара По, братьев Гримм и Хичкока.

Роман написан прекрасным армянским прозаиком, поэтом, эссеистом и переводчиком немецкой классики, который живет и работает в Германии (Юнна Мориц).

ДВА СЛОВА

Вместо предисловия

Время от времени у каждого человека возникает необходимость навести порядок в своем доме. Та же рука, которая создавала хаос, разбрасывая все вокруг, – та же самая рука теперь бережно протирает и раскладывает вещи по местам. Вот так и я однажды решил навести порядок в собственной жизни: настезь открыл окна памяти, чтобы проветрить каждый ее уголок, распахнул пространство любви и тоски, выбросил прочь ветошь ненависти и злобы, стер толстый слой пыли со своих чаяний и надежд и поставил на стол настоящего прозрачную вазу былого, из которой пьют яркие цветы будущего.

И когда устало присел, чтобы немного перевести дух, почувствовал вдруг, как разливается в душе неуловимый аромат вечности, – и незаметно задремал. А очнувшись, увидел свое отражение в зеркале пережитого, висящем напротив, на стене суровой реальности, – и улыбнулся: рядом со мной на столе лежала эта книга – почти сплошь жизнь и чуточку литература.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

HOM

Глава первая

1

Добравшись до тихой и безопасной поляны, молодой человек по имени Армен остановился и прислушался, тяжело дыша и внимательно глядя по сторонам. Сюда не доносилось ни звука. Вытянувшиеся деревья самозабвенно пили тишину заката, точно старались не уронить ни капли льющегося с неба драгоценного света, который, тем не менее, ускользал от них, падал на землю и рассыпался в траве. Казалось, лес трепещет и содрогается каждым листком. «Как я...» – мелькнуло у него в голове, и внезапно он почувствовал лютый голод. Хотел положить рюкзак на землю, но безотчетно рванулся вперед и на ходу дрожащей рукой вытащил из рюкзака небольшой прозрачный пакет с круглыми пирожками величиной с грецкий орех. Он купил их при входе в село у сидевшей на обочине дороги старухи, при этом ему бросилось в глаза сходство между ее маленькой круглой фигурой и испеченными ею пирожками. Сейчас, вспомнив изучающе-подозрительный взгляд старухи, когда она протянула ему пакет, молодой человек пожалел о своем неуместном великодушии и подумал, что, не остановившись он возле нее и не потеряв время на покупку, он не встретил бы тех троих, что хотели его убить.

Дело в том, что в этом небольшом селе, приютившемся в уголке лесистой долины, при невыясненных обстоятельствах погиб двенадцатилетний мальчик, сын старосты села, его тело нашли недалеко от ветхого и уже покинутого жилища, в котором жил какой-то чужеземец; все решили, что именно он убил ребенка – убил и скрылся. Молодой человек случайно забрел сюда в поисках работы и узнал об этом от местного мальчугана, когда попросил его указать дом старосты, но тот, сбивчиво рассказав о случившемся, испуганно повернулся и удрал. В тот же миг молодой человек почувствовал, что в пустынности этого укрывшегося в лесу маленького села таится засада, и решил было вернуться, но в это время, преградив ему путь, из-за деревьев вышли три свирепых типа и угрожающе двинулись на него. То, что последовало за этим: шум, крики, брань, удары, обрушившиеся на него со всех сторон, – было каким-то кошмаром, от которого в памяти остались смутные, бессвязные обрывки. Отчетливо помнил он лишь то, что во время всей этой неразберихи его не

покидало чувство глубокого, непостижимого стыда и страх перед тем, что он может упасть и это будет конец. А потом в какой-то момент драки его ослепил блеск узкого лезвия, и он яростно набросился на того, кто был с ножом, заломил ему руку, заставил выпустить оружие из его обмякших потных пальцев и, не обращая внимания на двух остальных, продолжавших осыпать его ударами, подобрал нож и забросил его в гущу деревьев. Один из нападавших тут же рванулся за ножом, двое оставшихся опешили, не зная, что делать, и он, воспользовавшись заминкой, подхватил упавший на землю рюкзак и скрылся...

Молодой человек поднес пирожок ко рту, но ему почудился звук шагов за спиной. Он тревожно оглянулся, однако на тропинке никого не было, и только жужжание нескольких кропотливых вечерних жуков на поляне нарушало тишину леса. Внезапная мысль о том, что недавнее происшествие – вовсе не недоразумение, а как бы неизбежное возмездие, вызвала в нем смутное и гнетущее чувство, точно именно он стал причиной гибели ребенка. Он вспомнил, как его уверения в невиновности наталкивались на удручающее непонимание: те трое поначалу только орали и угрожали, к действиям они перешли после того, как его собственные объяснения неожиданно для него самого стали звучать неубедительно и он, подавленный, невольно опустил голову: в ту минуту ему показалось, что он в самом деле убил ребенка...

– Им было ясно только одно: ребенка убил чужак... – прошептал молодой человек и с удивлением почувствовал, что это, как ни странно, правда – независимо от того, что произошло в действительности.

Вот, оказывается, что имеют в виду говоря «чужбина»: это обреченность, причем неважно, виновен ты или нет.

Он сел на траву, не представляя, что делать дальше. Впервые в жизни он со всей остротой осознал безвыходность своего положения. Медленным взглядом обвел окрестность: лес равнодушно молчал, погрузившись в себя и словно чего-то ожидая... Чего?.. Того, что уже бывало сотни, тысячи, бессчетное множество раз! Но это жизнь леса, не имеющая к нему никакого отношения. И трава, на которой он сейчас сидит, не имеет к нему отношения. Так же, как и ничтожный муравей, который запутался в волосках его запястья и мечется, ища выход. Глаза молодого человека увлажнились...

Он родился в Армении, в затерянном среди высоких гор маленьком селе Сар, где разбросанные дома почти сливаются

с утесами и валунами. Дом, в котором он появился на свет и вырос – единственным ребенком своих родителей, рухнул в одночасье в темную, ненастную осеннюю ночь от неожиданного и страшного подземного толчка. И сейчас, когда он вспомнил заплаканное лицо матери и невыразимое отчаяние отца, молча и потерянно стоявших над руинами, сердце его разрывалось на части. Показалось, что причина их горя – только он и его беспомощность. И горькое чувство, не покидавшее его с того дня, как он попал в эту чужую и далекую страну, вспыхнуло в нем с новой силой: он точно упал с непостижимой высоты и приземлился здесь, в этом месте, представляющем огромную ухабистую равнину, некое безымянное пространство, как бы убегающее из-под ног одновременно во все стороны. Он, всегда живший рядом с небом, выше облаков, чуть ли не в обнимку с солнцем, слышавший ночной шепот звезд, хватавший стремительный ветер за гриву, растворявшийся в молчании бездонных пропастей, оказавшись здесь, в этой стране, чувствует, что его четвертуют четыре стороны света, что он расщепляется, рассеивается в непроглядных туманах далеких горизонтов. И тогда заплакал молодой человек по имени Армен, сидя на глиняном полу этой страны, понимая, что это его судьба и с нею – хочешь не хочешь – надо смириться. Так нашел он способ не ропща переносить ее капризы в чужом краю, и так было до сегодняшнего дня, до инцидента в этом богом забытом селе, где ему открылось истинное лицо чужбины, и он содрогнулся так, словно впервые заглянул в глаза смерти...

Он отправил в рот и попробовал разжевать пирожок, но тот, несмотря на аппетитный вид, оказался на удивление черствым и твердым, как орех. От боли в деснах он чуть не взвыл. Потом сиротливо съежился и лишь теперь почувствовал, что все тело у него ноет от жестоких побоев.

Особенно сильно болел нос. Он осторожно ощупал его: нос распух и был словно сдвинут в сторону. Ладонью вытер губы – увидел кровь. Кровь была и на пирожке. Он ощутил во рту вкус крови. И тут до него дошел истинный смысл того, что произошло. Будто кто-то неведомый пытался его унижить...

– Не выйдет! – глухо прошептал он, сплюнув красную слюну и сжав губы.

Волна безудержного гнева поднималась в груди и наполняла его какой-то непривычной силой. То была сила жизни. Сила его жизни. Его сила. И никто не может отнять у него эту силу...

Он еще немного посидел, потом легко вскочил на ноги и решительной походкой продолжил путь.

2

Выйдя из лесу и проходя над мутной и хмурой рекой, отделявшей лес от степи, он на минуту остановился на мосту и осмотрелся. Далеко-далеко падающий шар солнца будто с неслышным отсюда грохотом ударился о горизонт и рассыпался, при этом его раскаленные лучи брызнули во все стороны, наполнив бескрайнюю степь равнодушной пылью вечернего безмолвия. Мир был так огромен, а путей-дорог в нем так много, что впору было отчаяться, и сердце Армена сжалось от неясной тревоги: куда он попал, как и зачем?.. В следующее мгновение он впервые ощутимо понял, что погруженная в море теней земля кругла, и душу его неожиданно переполнила радость: он открыт и для жизни, и для смерти, и для победы, и для поражения...

Дойдя до первого перекрестка, он снова немного помешкал: дороги, точно бесчисленные морщины, бороздили темнеющее лицо страны. Где-то далеко отсюда едва угадывались в наступающих сумерках поселки, села, города, напоминающие то здесь, то там случайно выросшие в этой бесплодной и бескрайней степи густые кустарники, и Армен невольно вспомнил сидевшую на обочине дороги торговку пирожками.

«Будто морщинистое лицо той старухи», – подумал он о земле, по которой шел.

Слева от него по узкой и бугристой дороге двигалось темное пятно. Непроизвольно Армен тоже повернул влево: наверняка это человек, у которого можно что-то узнать. Немного погодя навстречу ему из сумерек выплыло какое-то существо, припадавшее на одну сторону. По легкому покачиванию вытянутого тела Армен догадался, что это собака. Заметив человека, она замерла, потянула носом воздух, а затем продолжила путь. По всей вероятности, это был бродячий пес, побитый и голодный. «Какя...» – подумал Армен и, остановившись, достал из рюкзака пирожок и протянул его навстречу собаке. Та, к удивлению Армена, сделал большой крюк, обошла его и равнодушно побежала дальше; судя по всему, конечным пунктом ее маршрута был лес, где она намеревалась переночевать. Армен посмотрел ей вслед, и в следующий миг мурашки поползли у него по телу: это был вовсе не бродячий пес, а самый настоящий волк; остановившись на перекрестке, он тоже обернулся и

посмотрел на Армена сверкнувшими в полумраке глазами. Некоторое время Армен и волк не сводили друг с друга взгляда. Потом волк отвернулся и медленно удалился в сторону прибрежных кустов, а Армен продолжил путь.

Солнце уже зашло, однако ало-оранжевое зарево все еще освещало горизонт, и от этого вокруг казалось еще темнее, чем было на самом деле. Армена не покидало чувство, что он месит ногами уплотняющийся сумрак. Тишина дороги поглощала звуки его шагов, которые, смешиваясь с дыханием, порождали в нем приятное чувство легкости непрерывного движения. Ноздри ему щекотала терпкая смесь запахов им же поднимаемой пыли – явный признак того, что он уверенно владеет дорогой. Он шел вперед, не глядя под ноги, искусно обходя при этом рытвины и ухабы, поскольку вырос среди скал и ущелий и здешние дороги были для его привычных ступней детской игрушкой. Внимательно глядя по сторонам, он всматривался в каждый камень и кустик, ибо знал: он здесь не один, степь незримо, но внимательно следит за каждым его движением. И это чувство взаимопочитания согревало ему душу...

Спустя немного времени слух его уловил какие-то новые звуки. Обернувшись, он уставился в темноту: глухое, мерное гроыхание, словно доносившееся из-под земли, постепенно приближалось, вскоре к нему присоединился монотонно-ритмичный топот. Армен невольно затаил дыхание, когда из темноты перед ним выросло нечто огромное, фыркающее и вздыхающее, и в тот же миг он уловил знакомый запах лошади и травы. Это была обычная крестьянская телега, которую тащила лохматая лошадь. На козлах развалился дюжий сельчанин; по-видимому, он возвращался из леса. Поравнявшись с Арменом, телега остановилась. Обрадованный Армен дружески поздоровался с возницей и подчеркнуто любезно поинтересовался, может ли тот подбросить его до ближайшего населенного пункта. Возница не удостоил его ответом, он сидел молча и неподвижно, его голова четко вырисовывалась на фоне угасающего горизонта, но лица не было видно. Армен, не мешкая, сел в телегу, и та тут же покатила дальше.

– В ваших краях много волков? – начал Армен разговор, удобно устроившись на мягкой соломе. – Я только что встретил одного. Сперва мне показалось, что это собака, а пригляделся – волк... – Армен улыбнулся.

Возница никак не отреагировал. Видимо, это был угрюмый и неразговорчивый сельский мужик, не склонный к дружеским беседам.

Армен немного смутился, потом, вспомнив о пирожках, извлек из пакета несколько штук и, придвинувшись к передку телеги, благодарно протянул их вознице.

Возница не шевельнулся, не повернул головы. Армен в недоумении отдернул руку, в голове у него пронеслась мысль о том, что вот так же и волк отверг протянутый им пирожок, и его охватило странное чувство. Армен проглотил слюну и попытался получше разглядеть возницу, но кроме лохматых, не знавших гребня волос и темного силуэта ничего невозможно было разглядеть. Вскоре он забыл о вознице и поднял глаза к небу, сгущавшийся мрак которого словно стремился подчинить себе все пространство. Армен невольно сравнил его с небом над родным селом – высоким и бездонным, переливавшимся веселым и ярким фейерверком бесчисленных звезд. Убаюканный покачиванием телеги и монотонным топотом копыт, он вскоре задремал, погрузившись в мир сладких сновидений и согревающих душу воспоминаний...

Он проснулся в мучительной тревоге; приснилось, что на лицо ему наброшена невидимая металлическая сеть, от которой он не может освободиться: изо всех сил пытается оттолкнуть ее руками, но запутывается в ней еще больше. Армен откинулся на борт телеги, почувствовал острую боль в спине и окончательно пришел в себя. Была уже глубокая ночь. На непроглядном небе висела круглая, похожая на фонарь луна. Степь затопили смутные тени, сумрак и тишина, в которой скрип телеги казался каким-то потусторонним звуком, доносящимся из неведомого далека. В лицо им дул пронизывающий ветер, казалось, он идет откуда-то сверху, чуть ли не с самой луны. Возница сидел так же неподвижно, за все это время его поза совершенно не изменилась. Черная, расплывчатая глыба его фигуры выглядела еще более жутко и таинственно; скупой лунный свет удивительным образом обтекал ее, и видна была лишь огромная тень, отбрасываемая на дорогу. Внезапно тьма вокруг стала еще непроглядней, будто телега въехала под какие-то мрачные своды. С трудом повернув голову, Армен увидел слева от себя большую гору, совершенно неуместную на этой пустынной равнине. Вид у нее был странный: неестественно острая вершина и зигзагообразные очертания склонов, от которых исходил тусклый серебряный отблеск.

– Что это за гора? – повернулся Армен к вознице. – Вид у нее необычный...

Возница и на этот раз ничего не ответил. «Может быть, он глухонемой?..» – подумал Армен. Его охватил страх, сердце тревожно заколотилось. Ему захотелось вскочить с места и встряхнуть возницу – зачем, он и сам не смог бы объяснить, –

когда телега резко свернула вправо и, немного проехав, остановилась. Армен глянул в сторону возницы, но перед ним был лишь непроницаемый мрак. Он, тем не менее, хотел спросить у возницы что-то еще, но почувствовал, что не может. Непроизвольно соскочил с телеги и подошел к нему, чтобы хотя бы попрощаться, но телега неожиданно тронулась с места. Армен замер, ему почудилось, что он видит сквозь мрак большие и сверкающие глаза возницы...

Какое-то время он ошарашенно смотрел вслед телеге, которая словно растворилась в темноте. Не было слышно ни скрипа, ни топота копыт. Армен сделал несколько шагов, но с удивлением обнаружил, что тут нет дорог, только бугристая равнина с небольшими курганами и колючим кустарником. Армен пожал плечами и вернулся. Когда он вышел на дорогу, перед ним снова возникла гора, чья смутная тень властно возвышалась на фоне беззвездного неба; она казалась недоступной и была похожа на гигантскую колонну, подпирающую небосвод. Гора непреодолимо притягивала его к себе. Он пересек дорогу, продрался через кустарник и направился к ней. Подойдя ближе, ошеломленно остановился: гора испускала тошнотворный запах, от которого у него закружилась голова. Наверняка это была мусорная свалка какого-то ближайшего города. Армена развеселила неожиданная мысль: разве невозможно разгрести эту гигантскую, зловонную кучу мусора? Конечно, возможно. Если захотят, он мог бы это сделать. Один. Без чьей-либо помощи. Он будет работать день и ночь, пока от горы не останется и следа. Ее просто не будет, она перестанет существовать, исчезнет вместе со своим смрадом. И за всю работу ему заплатят столько, что вполне хватит на ремонт отцовского дома... Эти мысли так окрылили Армена, что он погрузился в мечты: представил обновленный родительский дом – высокий, крепкий и светлый...

Он деловито подошел вплотную к подножию мусорной горы. Внимательно всмотрелся – постепенно свалка стала ему чем-то нравиться, даже вонь уже не казалась такой невыносимой. «Это всего лишь запах... – подумал он, – такой же, как любой другой...» Он похлопал ладонью по нескольким разбитым бочкам, наполненным грязью и какой-то маслянистой жидкостью, и те ответили глухим звуком. «Она могла быть и больше...» – решил он, скользнув взглядом от подножия до вершины горы. Из ближайшей темной щели послышался шорох крысиной возни, потом одна из крыс с отчаянным писком выскочила наружу и испуганно

метнулась прочь, а вслед за нею появилась другая, более крупная, и яростно бросилась вдогонку. Первая крыса с невероятной скоростью достигла вершины горы и там исчезла; вторая же, на ходу передумав, вернулась, смело пробежала недалеко от ног Армена и влезла в какую-то черную круглую дыру. Ему сейчас нравились даже эти крысы...

Определившись в своих дальнейших планах, он хотел повернуть обратно, как вдруг ему почудились далекие человеческие голоса. Обойдя бесформенные груды металла, он вышел к противоположной стороне горы и остановился у довольно большой воронки, глубокой и темной. Ничего нельзя было разглядеть. Он хотел повернуть обратно, когда снова услышал те же звуки, но уже отчетливее. Пройдя по краю воронки, Армен обогнул ее и поднялся на окаменевший песчаный пригорок. Взору его предстал залитый лунным светом противоположный склон мусорной горы, который он не мог видеть с дороги и который, казалось, простирался до самого горизонта. Повсюду на этом пространстве – снизу и почти до вершины – копошилось множество людей. С превеликим усердием они рылись в мусорной куче и время от времени издавали радостные крики, находя что-то нужное: пустую бутылку, кусок материи, книгу, ведро или штык лопаты... Это были нищие, бездомные бродяги, пьяницы и наркоманы, убогие и увечные люди, которых Армен иногда встречал во время своих скитаний. Мужчины и женщины – молодые и старые, больные и здоровые, в грязных лохмотьях, опустившиеся, с одутловатыми лицами, с застывшим безразличием в глазах... Армен нахмурился, наблюдая эту безрадостную картину. Взгляд его остановился на пожилой женщине и мужчине среднего роста, которые одновременно нашли нечто похожее на одеяло и теперь орали друг на друга, желая завладеть находкой. Женщина, по-видимому, пыталась доказать, что она первая нашла одеяло, выкрикивая что-то хриплым голосом. Мужчина утверждал обратное и осыпал женщину проклятиями. Спор кончился тем, что к ним, хромя, подошел человек с большой головой и внушительной фигурой. В руке он держал за горлышки гроздь пустых бутылок. Человек этот что-то сказал спорящим и торжественно встал рядом с ними, сверкая глазами. Некоторое время громила выжидал, с безучастным видом поглядывая по сторонам, и вдруг схватил одеяло своей огромной ручищей и стал стремительно спускаться по склону. Мужчина бросился за ним, но споткнулся в скользкой

жиже, упал и скатился в какую-то яму. Женщина с воплями поспешила ему на выручку. Она уселась рядом, положила его голову себе на колени и принялась гладить его и успокаивать. Мужчина вдруг резко вскочил и стал лихорадочно разгребать то место, на которое упал. Вскоре он вытянул из-под груды мусора кожаную безрукавку, издал ликующий крик и подпрыгнул от радости. Какое-то время женщина смотрела на безрукавку с грустной завистливой улыбкой, потом уронила голову на колени и съежилась. Мужчина немного подумал, бросил безрукавку ей на плечи и двинулся к вершине, по пути с новой энергией разгребая мусор толстой палкой, найденной неподалеку...

Армен опустил голову и уставился себе под ноги. Так было надежнее: голоса людей, их крики, плач, смех теперь словно доносились издалека. Расчистить это место, убрать гору мусора – значит лишить этих людей последней надежды...

Он спустился с пригорка и вошел в заросли кустарника. Остановившись у края дороги, бережно стряхнул с одежды пыль и приставшие колючки и, прежде чем продолжить путь, оглянулся: гора мусора незыблемо стояла между землей и небом и, казалось, ничто не в силах нарушить ее безмятежный и величественный покой...

Армен повернул голову, осторожно ощупал секретный внутренний карман на поясе: те небольшие деньги, что он заработал, очистив колодец в одном из крестьянских дворов, были на месте. Он улыбнулся и закинул рюкзак на плечо.

Глава вторая

1

Он вошел в город с восточной стороны, когда землю уже окутала кромешная ночь. Судя по мерцающим в темноте редким огням, по беспорядочно разбросанным и утопающим в зелени деревьев небольшим приземистым домам, это был скорее поселок, широко и привольно расположившийся на обоих берегах реки, густо поросшей камышом. Армен не сумел найти таблички с названием города. И хотя особого значения это не имело, все же знание имени – как и при знакомстве с людьми – обычно внушает определенную уверенность. На окраине, во дворе уединенного дома, он заметил какое-то живое движение, но когда подошел ближе, чтобы справиться у хозяев о названии города или о дороге на автовокзал, за решеткой двора к нему метнулась тень огромного сторожевого пса. Вздрогнув, Армен отпрянул и пошел прочь, провожаемый яростным лаем и злобно горящими во мраке глазами. Вдалеке под тусклым светом одинокого фонаря он увидел припозднившуюся корову, но пока поравнялся с домом, хозяин уже завел ее во двор и запер ворота. Оказавшись после бескрайнего и равнодушного безмолвия степи среди живых звуков, Армен испытывал такое чувство, точно попал в другой мир, в котором на него со всех сторон могут напасть из засады, и даже тьма в нем темнее и на каждом шагу предательски подкрадывается и дышит в затылок. Его охватило ощущение безнадежного одиночества и покинутости, однако он так вымотался, что остался глух и безразличен; его волновало лишь одно – поскорее отыскать автовокзал и там кое-как переночевать.

2

На автовокзале было довольно оживленно. Грохот машин, гул разговоров будто стремились отогнать сонливость, незримым облаком повисшую под гулкими сводами вокзала, а площадь перед ним, окаймленная темным забором, за которым чернел лес, напоминала огромный бугристый лоб спящего великана, по которому, словно ночные тени, снуют люди-муравьи. Перейдя реку и оставив позади сквер, Армен оказался в суматохе и гомоне вокзала и облегченно перевел дух: теперь он в безопасности – и до чего же приятно быть

безликой и безымянной частичкой толпы! Все, что здесь происходило – шум, движение, суматоха, – казалось каким-то ночным сновидением, которое улетучится в любую минуту, едва спящий проснется. Армен улыбнулся, увидев как бы подтверждение своих мыслей: сидевший под стеной старик с неприметной внешностью проснулся и широко зевнул в тот самый миг, когда он проходил мимо.

Небольшой зал ожидания был переполнен, некоторые спали вдоль стен, обняв свои вещи, иные сидели или полулежали на облупившихся, а кое-где и разбитых скамейках, вполголоса разговаривая, перекидываясь в карты или уставившись в одну точку в ожидании своего маршрута. Через противоположную дверь Армен вышел во внутренний двор, и в нос ему ударила едкая вонь, исходившая от мокрых стен, на которые несколько типов как раз мочились, воровато озираясь. Армен прошел дальше, покругил по двору, взгляд его скользнул по небольшой группе мужчин и женщин, которые пили пиво, укрывшись за железным мусорным баком, потом он вернулся, так и не найдя удобного места, где можно было бы прикорнуть. Продолжая поиски, он снова вышел на площадь, ему подвернулась какая-то заплутавшая девочка. Армен остановил ее, взял за пухлую ручку и подождал, пока не подбежала сурового вида мать и, грубо схватив малышку за плечо, не увела, без конца шпыняя. Армен невольно проводил их взглядом, а потом заметил, что остановился там, где только что сидел зевавший старик, но старика уже не было, и место пустовало. Армен тут же устроился на освободившемся клочке пространства и, полулежа на боку и опираясь на рюкзак, прислонился спиной к стене. Справа от него, упав головой на грудь, спала богатырского сложения крестьянка, ее толстые руки властно лежали на бесчисленных мешках, придавая ей сходство с большой наседкой, а слева, крепко прижав к груди толстую папку и мерно посапывая, дремал худой волосатый мужчина с недовольным лицом. Армен сомкнул веки и тут же испытал странное чувство, будто он и есть тот старик с неприметной внешностью, только что здесь сидевший. И мгновенно все потеряло для него значение, и он забыл, кто он такой, и где находится, и существует ли вообще – все растворилось в забытии, и вместо сна он погрузился в какое-то напряженное оцепенение...

Из этого состояния его вывел сонный женский голос, оповестивший по репродуктору о прибытии какого-то автобуса. Свободных мест в нем не было. Выскочив из зала

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru